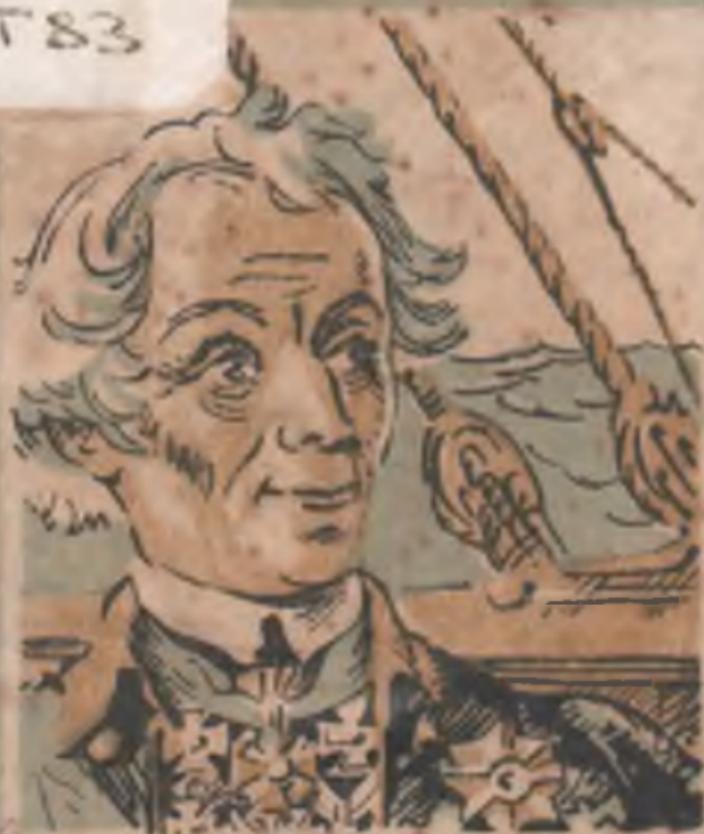

63.3(2)

Г83

ЗА КНИГОЙ

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВ
МИЧМАН
СУВОРОВ

ДЕТГИЗ 1945

11046
334676764

Handwritten signature in red ink.

Handwritten initials or numbers in blue ink, possibly "15" or "14".

Faint, illegible text, possibly a name or title.

Handwritten mark or signature in the top left corner.

Г-83
63.3(2)

41583.

~~11097~~

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВ МИЧМАН СУВОРОВ

Рисунки К. Арцеулова
ЯНКО ПЕШЧИНА ГОРДСКАЯ
АНЕКДОТЫ

Государственное Издательство
Детской Литературы
Наркомпроса РСФСР
Москва 1945 Ленинград

ХР. Ц.Б. В.С. Пушкина

С. Т. ГРИГОРЬЕВ

Известный детский писатель Сергей Тимофеевич Григорьев родился в 1875 году.

Сергей Григорьев — автор ряда исторических романов и повестей. Сборок пять лет работает С. Григорьев в области литературы, им созданы десятки произведений, ставших любимым чтением детей и юношества. Хорошо известны его книги: «С мешком за смертью», «Красный бакен», «Берко-кантонист», «Революция на рельсах», «Мальчий бунт», «Александр Суворов», «Малахов курган» и др.

Недавно С. Григорьев закончил новую работу, повесть «Победа моря» — о детстве славного русского флотоводца Макарова. Повесть эта по конкурсу на лучшую художественную книгу для детей была удостоена премии.

Исторический рассказ «Мичман Суворов» написан С. Григорьевым в 1944 году.

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор К. Пискунов. Худож. редактор П. Суворов. Технич. редактор Г. Вебер. Подписано в печать 19/VI 1945 г. 7/16 печ. л. (0,75 уч.-изд. л.) Тир. 75 000 экз. Заказ № 430. А25263. Цена 90 коп.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпрос РСФСР, Москва, Сушевский вал, 49.

Капитан-командор Нанинг командовал практической эскадрой Балтийского флота в то лето, когда Суворов был послан Екатериной Второй в Финляндию для больших работ по укреплению границы со Швецией и для усиления обороны Финского залива и финских берегов.

Нанинг именовал себя капитан-командором по старой памяти, так как в ту пору этот чин временно

был упразднен, но впоследствии восстановлен — с жалованьем и преимуществами генерал-майора.

А Суворов тогда уже носил чин генерал-аншефа, то есть был «полным генералом», значит, по службе старше капитан-командора, не говоря уже о том, что слава Суворова гремела: за победу на Рымнике Екатерина Вторая возвела его в графское достоинство с титулом Суворова-Рымникского, а австрийский император пожаловал его в графы Священной Римской империи. Небывалый в истории штурм Измаила вознес Суворова на вершину европейской славы.

Капитан-командор Нанинг ничем не был знаменит, кроме разве прозвища «сэр Бушприт», данного ему моряками.

У моряков свои понятия о чинах и субординации. Сэр Бушприт¹ по-

¹ Б у ш п р и т — наклонная мачта, длинное бревно на носу корабля.

тому упорно и держался за наименование капитан-командора, что считал этот чин выше армейского генерал-майора. Уже одного этого было достаточно для того, чтобы между Суворовым и сэром Бушпритом возникли нелады. А главная беда была в том, что они в одной существенной черте сошлись характерами: Суворов был мастером язвительной шутки, да и сэр Бушприт был порядочным шутником.

Во всем остальном они расходились, начиная с внешности.

Суворов при маленьком росте — коренаст и подвижен, даже став стариком.

Сэр Бушприт — высок, долговяз, но грузен и медлительно-важен.

Черты суворовского лица не крупны, но ювелирно выработаны до тонких мелочей. Лицо его никогда не застывает, оно — как море в свежий шквалистый ветер.

У капитан-командора черты крупные, будто вырубленные топором, на

лице застыло деревянное выражение.

У Суворова глаза слегка навывкате, голубые, все время искрятся, а в гневе способны сверкать молниями.

Глаза капитан-командора сидят в глубоких впадинах, словно высверленных коловоротом корабельного брызгаса — мастера по сверлению дыр. Взор его мутный, холодный, цвет глаз скучный, стальной.

Нос у сэра Бушприта длинен, очень велик и, сколь это ни странно, круглый; за нос капитан-командор и получил свое прозвище. Как будто плотник, мастеривший лицо капитан-командора, не совсем правильно высверлил дыру и заколотил в нее нагель, от чего капитан-командор ходит, задрав нос кверху, на манер бушприта корабля.

Сэр Бушприт говорит, словно командует, срываясь на высоких нотах. Он не знает иного языка, кроме своего родного, непоколебимо

уверенный в том, что этот язык — отец всех прочих, а потому все должны его понимать.

Суворов, в отличие от сэра Буш-прита, говорил звучным басом, знал несколько языков, за исключением родного языка командора, и очень жалел, что не мог объясняться с ним — это помогло бы избавиться обоим от трений, которые должны были возникнуть неизбежно, главным образом в силу неопределенности и неясности их служебных отношений.

Посылку в Финляндию Суворов мог считать чем-то вроде ссылки, удалением из столицы под благовидным предлогом. За взятие Измаила штурмом Суворов должен был получить чин фельдмаршала. Но, по совету своего любимца, главнокомандующего дунайской армией Григория Потемкина, Екатерина пожаловала Суворову лишь чин подполковника Преображенского полка. «Награду» эту за подвиг, бес-

примерный в истории войн, все приняли как издевательство над измаильским героем. Хотя полковником Преображенского полка числилась сама Екатерина, но подполковников насчитывался уже целый десяток, в том числе и фельдмаршал Григорий Потемкин. Тот, в свою очередь, рассчитывал получить за Измаил высочайший в армии чин генералиссимуса российских войск, — ведь это он был главнокомандующим, а Суворов — только исполнителем его повелений.

Потемкина ждали в Петербурге. Царица готовила ему триумфальную встречу, а Суворов в раздражении сыпал при дворе едкими шуточками, издевался над сановниками и, главное, смело и неумолчно критиковал порядки русской армии и флота. Это прискучило Екатерине. Потемкин явился в столицу и передал Суворову повеление императрицы отправиться в Финляндию для осмотра крепостей.

Суворов тотчас сел в кибитку и покинул столицу. Из Выборга он прислал Екатерине с курьером депешу: «Жду твоих повелений, матушка».

Последовало повеление: осмотреть пограничные крепости и составить план новых укреплений. Быстро исполнив эту работу, Суворов ждал, что его вернут в Петербург, но получил новое повеление — построить намеченные им крепости. Это означало, что Суворов еще в немилости и его почетная ссылка продолжается.

Суворов не любил инженерного дела, хотя еще в детстве выучил наизусть «Фортификацию» знаменитого французского инженера Вобана, переведенную отцом Суворова на русский язык повелением Петра Великого.

Крепости строят для того, чтобы их штурмовать, — таков был собственный взгляд Суворова на фортификацию.

— Я полевой офицер. Баталия мне милее, чем лопата извести и пирамида кирпича, — брюзжал он, изнывая в Финляндии. — Я привык быть действующим постоянно, тем и питается мой дух. Малые таланты мои зарыты. Меня превратили в подрядчика...

Напрасно он взывал в столицу: «Ради бога, избавьте меня от крепостей, лучше бы я грамоте не знал. Сего 23 октября я 50 лет, в службе. Тогда не лучше ли мне кончить карьер. Бежать в деревню, готовить душу к переселению в загробный мир. Чужая служба — в Камчатку, Мекку, Мадагаскар, Японию — абшид, смерть — все равно, только не захребетник!»

В раздражении и обиде Суворов преувеличивал унижительность своего назначения. Оборона Прибалтики от притязаний Швеции являлась во все не пустым делом. Правда, работать приходилось в очень трудной обстановке — нехватало людей,

средств и материалов, приходилось на месте обжигать известь и формовать кирпич, не было судов для перевозки грузов, а между тем рядом, на рейде, празднично стояла практическая эскадра под флагом капитан-командора Нанинга. В его распоряжении находились и грузовые суда с командами. У Суворова в команде состояла только гребная флотилия.

Когда Суворов командовал обороной крымских берегов и Херсонского укрепленного района, ему подчинялся и флот. Однако теперь инструкция, которую получил Суворов в Финляндии, имела пробел — капитан-командор не был ему подчинен. А между тем оборона шхер немыслима без флота. Для выбора мест береговых батарей требовалось произвести промеры у берегов.

Суворов нанес сэру Бушприту визит на рейде, чтобы просить его содействия. Старый генерал-аншеф сделал промах, не прибегнув к пере-

водчику, — капитан-командор понял просьбу как приказание и надменно ответил Суворову:

— Кто вы есть, господин генерал? Здесь море, корабль; на земля я вас слушать — здесь я слушать мичман, а не вы. Вы, государь мой, здесь, на флот, — малашишка (он хотел сказать: «мальчишка»). Имейте флот маленький чин, я слушать ваш приказ. Хэлло?!

Суворов молча откланялся, а на другой день на флагманский корабль «Северный Орел» явился адъютант Суворова и вручил сэру Бушприту запечатанный пакет. В нем капитан-командор нашел прошение.

Командир «Северного Орла» капитан-лейтенант Прончищев, негласно исполнявший должность переводчика при флагмане, сообщил; что генерал-аншеф Суворов, граф Римникский и граф Священной Римской империи, Александра Невского и многих других орденов кавалер, почтительнейше просит в первый удоб-

ный для капитан-командора день сделать ему, Суворову, экзамен на мичмана для производства в первый на флоте офицерский чин.

Сэр Бушприт стал втупик: Спросил совета у Прончищева. Тот ответил, что по форме и по сути дела отказать Суворову в его просьбе нельзя.

— Тем более, — значительно прибавил Прончищев, — его сиятельство граф Суворов в морском деле вовсе не мальчишка. Еще командуя береговой обороной Херсонского района, он имел дело с флотом. Устраивая оборону Крыма, Суворов дружил с адмиралом Федором Федоровичем Ушаковым, и тот слушался его советов. На Дунае под рукой графа Суворова был адмирал Дерibas... Да и у нас Суворову подчинена гребная флотилия. Будьте уверены, господин командор, генерал-аншеф не хуже нас с вами знает и морской устав и практику...

Сэр Бушприт призадумался и для

верности отправился на быстроходном галиоте в Кронштадт, а оттуда в Петербург, чтобы испросить повеление у генерал-адмирала Павла Петровича, наследника царицы Екатерины, как ему поступить.

Суворов воспользовался отсутствием капитан-командора и, с согласия Прончищева, повторил на практике то, что знал по книгам и уставам, а также из опыта на Буге, Днепре и Дунае. На экзамене ему предстояло отвечать на разные вопросы об оснастке корабля — о рангоуте, мачтах, реях, выстрелах, марсах, стеньгах, о стоячем и бегучем такелаже, о парусах, как их ставить и убирать.

Вахтой во время хода корабля под парусами командует лейтенант, начальник вахты, а мичманы — его помощники, по одному на каждую из трех мачт корабля. Чтобы командовать одной мачтой, надо знать несколько сот названий, которые постепенно изучаются на практике. У

Суворова было мало времени — сэр Бушприт мог вернуться на эскадру не завтра, так послезавтра.

Командир «Северного Орла» поступил с небывалым претендентом на мичманский чин, как учитель поступает с любимым учеником, когда надо его спешно подготовить к ответственному испытанию, — в этом случае ученика «натаскивают». Прончищев был непрочь «натянуть нос» надменному сэру Бушприту, а Суворов с озорным увлечением отдался в распоряжение учителя, облачившись в матросскую одежду. Пять дней подряд Прончищев маял команду своего корабля парусными ученьями. Матросам показалось очень лестным, что с ними наравне тянет шкоты, лазает по вантам, ставит и убирает паруса, крепит снасти, вяжет узлы и сплеснивает тросы¹ генерал, граф двух империй — сам Суворов! Они дивились неутомимому провор-

¹ Сплеснивать тросы — сплести концы веревок без узла.

ству, цепкости этого старичка со смешной тугой косичкой седых волос, с «косоцветкой» из ленточки георгиевских цветов, завязанной бантиком на конце. А на других кораблях огорчались, что Суворов будет держать экзамен не у них. Вся эскадра — от командиров кораблей до юнгов и коков — нетерпеливо ждала, с чем вернется из Кронштадта сэр Бушприт, каково будет повеление генерал-адмирала, — по слухам, Павел Петрович Суворова недолюбливал.

После пяти дней отсутствия на восходе солнца капитан-командор возвратился из Кронштадта.

«Произвести мичманский экзамен генералу Суворову не откладывая, по всей строгости, без послабления, рассмотреть при сем, что генерал Суворов действительно к исполнению сей должности прямо способен, образовав для сего испытания нарочитую комиссию из командиров кораблей практической эскадры с пре-

41583.

764

зидентом капитан-командором» — таково было повеление генерал-адмирала.

Если верить сэру Бушприту, Павел Петрович прибавил:

— Старик чудит. Надо дать ему урок.

В этих словах заключалось второе, негласное повеление:

— Провалить!

Сэр Бушприт проболтался неосторожно. На флоте не очень-то любили своего генерал-адмирала. И, не совещаясь, командиры кораблей, каждый за себя, решили:

— Не проваливать!

На баке «Северного Орла» матросы тоже тревожились за исход испытания:

— Выдержит?

— Наш-то Суворов? Выстоит, не сдрейфит... Только не вздумал бы Бушприт с ним в жмурки играть. Вот это будет беда!

Прончищев говорил Суворову, чтобы он не робел, отвечал на все

вопросы смело, решительно, не задумываясь.

— Помилуй бог, боюсь! — с усмешкой отвечал Суворов. — «Немогузнаек» не терплю — а вдруг завтра самому придется ответить: «Не могу знать!»

— А вы, граф, говорите пространней, что в голову придет, да побольше всяких «тако», «паки», «паче», «поелику»... Чем больше вы скажете, тем меньше он поймет.

Суворов гневно блеснул глазами.

— Мой стиль не фигуральный, а натуральный при твердости моего духа. Вралем я не бывал! От беды не бегал. На ногах не качался. Не лукавил. Наука осенила меня в добродетели: я лгу, как Эпаминонд, бегая, как Цезарь, постоянен, как Тюреннь, прямодушен, как Аристид! Не разумею изгибов лести и ласкательств!

Суворов гневался, и капитан-лейтенант Прончищев подумал, что на-

прасно ему взбрело в голову давать советы, и кому — Суворову!

Утром на корабль «Северный Орел» к назначенному времени съехались командиры кораблей практической эскадры: «Благополучие», «Счастье», «Слава России» и фрегата «Воин». Вся комиссия состояла из пяти человек при первоприсутствующем капитан-командоре.

Суворов не заставил себя ждать. В десять часов утра, когда пробили четыре склянки, он пришел на рейд под парусом на ладожской одномачтовой сойме и ступил на правый, почетный трап «Северного Орла».

Несмотря на свой малый рост, Суворов в совершенстве владел искусством осанки. В парадном мундире, с эполетами генерал-аншефа, в шарфе со шпагой, в ленте ордена Александра Невского через плечо, в шляпе, украшенной сверкающим бриллиантовым пером, Суворов казался выше ростом.

Матросы корабля не узнали в

этом осанистом генерале того человека, который позавчера лазал с ними по вантам и повторял вслух, чтобы лучше запомнить, названия частей рангоута и такелажа.

Фалрепные на трапе вытянулись и застыли, встречая гостя, и каждый из них подумал:

«Правильный будет мичман!»

Приветствуя Суворова вслед за вахтенным начальником, Прончищев подобрал живот и подумал:

«Посмотрим, кто окажется мальчишкой».

Суворов вошел в салон адмиральской каюты, освещенной через окна кормового балкона зелеными отсветами воды и теплыми огнями восковых свечей в двух канделябрах, — без них в каюте было бы темно!

Сэр Бушприт сидел за столом, покрытым зеленым сукном с золотой бахромой, на месте президента, лицом к носу корабля. По бокам его разместились члены комиссии.

Суворов на «мичманской дистанции», за три шага перед столом, звякнул шпорами, четко пристукнув каблуками ботфорт, стал «стрелкой» и явился по форме.

Экзамен начался. Вопросы задавали по очереди командиры кораблей, капитан-командор выслушивал ответы Суворова, важно кивая «бушпритом», словно фрегат на пологой спокойной волне мертвой океанской зыби.

За бортом «Северного Орла» весело струилась вода. По деке мягко топотали матросы босыми ногами — шли предобеденные работы; покрякивали, распоряжаясь ими, урядники.

Металлически звучал голос Суворова, когда он, словно читая по книге, чеканил отлитые из бронзы слова морского регламента Петра Великого.

Экзаминаторы отмечали ответы Суворова на листах, положенных перед каждым. Спрошенный по рег-

ламенту о предметах, до навигации принадлежащих, об эволюциях и прочем, кандидат на мичманский чин отвечал на все, обращаясь к лицу председателя. Наконец и сей последний предложил ищущему мичманского чина вопрос:

— Не скажет ли нам господин ансень де весо¹, что принадлежит до силы и знатности флота?

Вопрос этот выходил далеко за рамки мичманского экзамена. Получилось так, что капитан-командор спрашивал не испытуемого, а как будто хотел знать о флоте мнение Суворова, генерала, прославленного победами на суше. И то, что сэр Бушприт назвал его «ансень де весо», как будто говорило, что председатель комиссии признает Суворова достойным мичманского чина.

Суворов ответил:

¹ Enseigne de vaisseau — корабельный прапорщик, то же, что мичман. Это звание было в употреблении на русском флоте в XVIII веке.

— Сила и знатность флота не в одном великом числе кораблей, матросов и корабельных пушек состоит, но главнейше потребны к тому искусные флагманы и офицеры, а потому надобно такое благоразумное и запасное во всем учреждение, чтобы от разных внезапных приключений утраты скоро и надежно награждаемы быть могли. Без того не надолго станет, какой бы великий флот теперь вдруг построен ни был, если не достанет искусных и ревностных исполнителей.

Прончищев перевел ответ Суворова. В глубине глаз сэра Бушприта вспыхнули озорные огоньки — чем-то ответ Суворова его обидел.

— Все то теорий. Будем смотреть на прэктис. Вы даете свой платок. Вам завязить глаза...

Командиры тревожно переглянулись. Случилось то, чего боялась вся команда «Северного Орла»: сэр Бушприт решил закончить экзамен игрой в жмурки.

Сэр Бушприт любил заниматься этой игрой — в ней заключалось и ею ограничивалось участие сэра Бушприта в обучении матросов морской практике. В расчете на то, что каждому из них, может быть, придется работать авралом — что и бывает — в глубокой тьме, матросу завязывали глаза, а урядник стоял наготове с линьком¹ в руке.

— Где есть грот-брамшкот? — спрашивал сэр Бушприт.

Матрос, расставив руки, двигался туда, где думал найти шкот, наткнулся на кнехт или бухту и падал, вставал, шел дальше и наконец хватался за первую снасть, попавшуюся под руку.

— Ты врал! Дать три линька!

Урядник отпускал матросу три крепких удара. Бушприт довольно похрапывал при каждом ударе. И так продолжалось — за каждую

¹ Л и н е к — короткий обрывок толстой веревки.

ошибку три удара, пока матрос не находил наконец грот-брамшкот.

Прончищев смущенно объяснил Суворову, какое последнее испытание придумал ему капитан-командор.

Суворов выслушал, не гневаясь.

Присутствующие еще надеялись, что дело обернется шуткой, но сэр Бушприт велел дневальному достать полотенце и пригласил всех выйти на палубу.

Суворов, храня невозмутимо важный вид, окинул взглядом верхнюю палубу от шканцев до бушприта и сам завязал себе глаза полотенцем, плотно обмотав его вокруг головы, — ни у кого не могло быть сомнений: сквозь такую повязку видеть нельзя.

Появление на шканцах командиров и Суворова с завязанными глазами остановило работы, несмотря на окрики урядников и боцмана. Среди матросов поднялся говор, они отошли к сеткам, очистив палубу. Все ждали, чем кончится игра, не-

осторожно начатая капитан-командором. Прончищев заметил на лице сэра Бушприта мимолетную тень смущения.

— Милорд! — обратился командир «Северного Орла» к сэру Бушприту. — Не пора ли кончить?..

Капитан-командор повел носом и крикнул, обращаясь к Суворову, так громко, что могла слышать вся палуба:

— Где суть грот-фордун правый борт?

Суворов двинулся по палубе скользящим шагом, протянув вперед руки. Игрой в жмурки он много забавлялся со своими подчиненными, коротая скучные вечера молодым еще командиром в Суздальском полку, и даже в Бырладе перед штурмом Измаила, в перерывах лекций офицерам о «науке побеждать». Суворов придавал «глазомеру» большое значение. Он обладал тонко развитым чувством пространства и понимал, что пустая на первый

взгляд, детская забава развивает способность быстро ориентироваться в темноте.

Подойдя к борту, Суворов пересчитал рукой все четыре фордуна.

Капитан-командор качнул «бушпритом».

— Он меня понимал лучше вы! — кинул сэр Бушприт командиру корабля. — Где есть фока-ванты, левый борт?

Называя части такелажа одну за другой, капитан-командор вел Суворова от мачты к мачте, со шканцев на бак корабля, заставляя его наощупь находить названные предметы.

— Где есть фока-штаг?

Ропот прокатился по толпе матросов на баке, когда Суворов, подойдя к основанию бушприта, коснулся рукой фока-штага, натянутого струной наклонно от основания бушприта к формарсу. У каждого, кто следил за игрой (а следили все), ёкнуло сердце — вдруг капитан-

командору вздумается спросить:
«Где есть форстень-штаг?»

Чтобы коснуться рукой форстень-штага, закрепленного в ноке бушприта, Суворову пришлось бы в сапогах, с завязанными глазами ступить на дерево висящего над водой бушприта.

Так и есть.

— Где бушприт? — спросил капитан-командор, подготавливая следующий вопрос о форстень-штаге.

Суворов на мгновение застыл, потом круто повернулся на голос капитан-командора и протянул руку с явным намерением схватить его за нос.

Напрасно Бушприт, отмахиваясь, отступал перед Суворовым. При общем хохоте кандидат на мичманский чин настиг капитан-командора, припер его к фальшборту и, сорвав с глаз повязку, поднял руку.

Капитан-командор поспешил закончить игру.

— Вы достойный чин мичман.

Получить патент! Будем друг другому... Вы, господин генерал, отлично понимал мой!

Сэр Бушприт протянул Суворову руку. Тот отступил на шаг и с повелительным жестом, не повышая голоса, полнозвучно сказал:

— Предлагаю вам, господин командор, приказать эскадре сняться немедленно с якоря, итти к указанному мной месту производить промеры.

Капитан-командор качнул «бушпритом» и приказал начальнику вахты:

— Свистать всех наверх. Сниматься с якоря.

Суворов поклонился всем и направился к трапу, провожаемый веселым гулом матросских голосов. Капитан-командор оценил их чувства и приказал:

— Матрос по вантам! Кричаль — threefold hurrah! ¹

Сойма отошла от трапа. Суворов

¹ Троекратное «ура».

стоял около руля на корме. Матросы на «Северном Орле» белыми голубями взлетели по вантам и дружно прокричали:

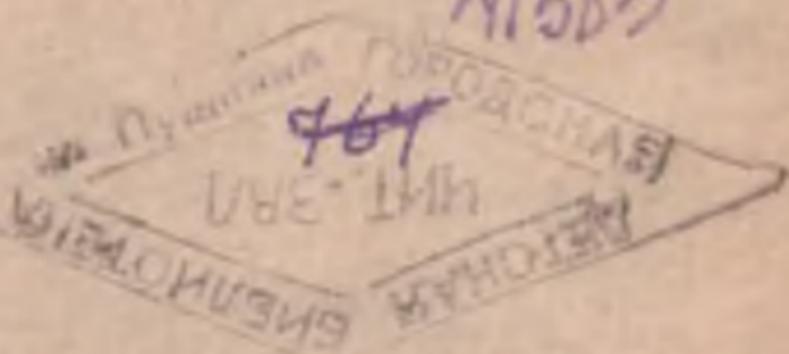
— Ура! Ура! Ура!

Сэр Бушприт, обнажив голову, помахал вслед сойме шляпой. И Суворов приподнял шляпу над головой. Кинбурнское перо сверкнуло на солнце синими и красными огнями.

И1582

197

10902

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
 DIVISION OF THE PHYSICAL SCIENCES
 DEPARTMENT OF CHEMISTRY
 5712 S. UNIVERSITY AVE.
 CHICAGO, ILL. 60637

RECEIVED
 10/10/68
 10902

О и жив славный батько сво-
боды, расветла;
Страна шлет поклон, пробу-
дившись от сна.
Днепровские воды толкуют об
этом
И думает думу степей тишина...
Дитя Украины, сын верный на-
род;
Ты слово родного в себе не
глуши;

Терпел и учил, как
с не
И поднял народ все,

Порой долетала до нас
Горячая песня, что
Сегодня в венок твой
Прими, брат, и наш бело

Цена 80 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРКОМПРОСА РСФСР

«КНИГА ЗА КНИГОЙ»

БИБЛИОТЕЧКА ДЛЯ ДЕТЕЙ
СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА:

Алигер М.	— Зоя.
Бажов П.	— Иванко Крылатко.
Гайдар А.	— Храброе сердце.
Исаковский М.	— Родное.
Кулешов А.	— Комсомольский билет
Михалков С.	— Мать.
Симонов К.	— Сын артиллериста.
Славин Л.	— Уралец.
Соболев Л.	— Волшебный крысолов.
Твардовский А.	— Два солдата.
Тихонов Н.	— «Я все живу».
Толстой А.	— Русский характер.
Шишков В.	— Девочка Акулечка.
Шолохов М.	— Солдатская дружба

*и другие произведения
советских писателей.*